

РУССКИЕ ПАРЕМИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОСВОЕНИИ¹

Екатерина Н. Свалова

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия

Key words: proverbs, cultural and linguistic loanwords, loanwords signs, ways of foreign language elements mastering, proverbs figurativeness, semantic changes in proverbs expressions.

Summary: Peculiarities of Komi-Permyak proverbs borrowed from the Russian language are described in the article. Subjects groups of mastered proverbs are presented, ways of their occurrence in the Komi-Permyak language are described. Attempt to distinguish signs of proverbs-loanwords was made (the presence of Russisms components, the use of figurative correlations typical for Russian, grammaticalness according to Russian structural schemes). Proverbs figurativeness modification, accompanying the process of its mastering, and semantic changes in the statement are marked. Conclusion, concerning the ability of adopted proverbs to acquire its colouring in borrowing culture, is made.

Ключевые слова: паремия, культурно-языковые заимствования, признаки заимствований, способы освоения иноязычных элементов, образность пословиц, семантические изменения в паремических высказываниях.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности коми-пермяцких пословиц, заимствованных из русского языка. Представлены тематические группы освоенных пословиц, охарактеризованы способы их вхождения в коми-пермяцкий язык. Предпринята попытка выделения признаков пословиц-заимствований (наличие компонентов-русизмов, использование типичных для русского языка образных соотнесений, оформленность по русским

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ №17-14-59001 «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры».

структурным схемам). Отмечается сопровождающая процесс освоения пословицы модификация ее образности, обнаруживаются семантические изменения высказывания. Делается вывод о способности заимствованных пословиц приобретать национальное своеобразие языка-реципиента.

Пословичный состав языка отражает национальное своеобразие культуры народа, выработанную им систему ценностей. Паремии выступают в качестве своеобразных регуляторов социального поведения и генетически связаны «с историческим опытом народа, ставшего достоянием его национального самосознания или просто памятным знаком» (Телия, 1996: 89).

Как этнокультурные маркеры национального самосознания народа и самобытности его мировосприятия, паремии в то же время отличает универсализм, выражающийся в совпадении морального смысла, в идентичности образности, нередко и в структурном сходстве выражений, относящихся к разным языкам. Такова, в частности, пословица *Дзуртан пуыс дыржык олö* ('Скрипучее дерево дольше живет'), которая подмечает психологическую особенность людей-пессимистов и скептиков, склонных жаловаться на свою жизнь: они, как правило, более осторожны в жизни, менее склонны к безрассудным поступкам и, соответственно, дольше живут. Как и русский аналог *Скрипучее дерево (скрипучая береза) дольше стоит (два века живет)*, выражение связано с проверенным на практике наблюдением: скрипучее дерево гнется, но остается целым, тогда как негнувшееся дерево ломается.

В строе, семантике, образном решении русских и коми-пермяцких пословиц отмечается большое количество совпадений: коми-перм. *Киссьöм васö бөр он курав* – русск. *Пролитую воду не соберешь*; *Лун лоас, сеян лоас* – русск. *Будет день – будет пища*; *Öтiкöс сизимён оз видзчисьö* – русск. *Семеро одного не ждут*. Одна из причин такого сходства (как и в целом сходства фольклора разных народов) – близость общественно-исторических условий жизни этносов, их общий культурный опыт. При этом общность иносказательно выраженного смысла многих пословиц сопровождается различиями в способах его выражения. Б.Т. Ганеев указывает на то, что специфичность паремий «зависит от природной среды, географии и климата, особенностей быта, культуры и верований, политического строя, народной психологии и т.д.» (Ганеев, 2012: 469). Выражая универсальную истину, пословица одновременно демонстрирует присущий конкретному этносу особый склад ума, заданный традицией способ суждения. На фоне большого количества общих для ряда

языков закономерностей неповторимость культуры, национально обусловленные различия в мировосприятии того или иного народа предстают особенно наглядно.

Национальный характер пословиц, их специфичность и уникальность определяются бытом, условиями труда и жизни этноса, обрядами, верованиями и представлениями, его ментальностью. Выражение о переменчивости судьбы *Кайыс өтік пёрёён оз ов* ('Птица и то меняет перо'), например, отражает достаточно специфическое отношение коми-пермяков к превратностям судьбы, указывает на существование возможности изменить свою жизнь. Русские пословицы в этом случае чаще подчеркивают бесполезность усилий и отсутствие свободного жизненного выбора человека: *Против судьбы не попрешь; От судьбы не уйдешь; Чему быть, того не миновать* (см. многочисленные утверждения о русском фатализме, о вере русского человека в предопределенность, напр. (Яшин, 2009: 6)).

Однозначно установить исконное или заимствованное происхождение коми-пермяцких пословиц, ограничить типологические явления и параллели, возникшие в результате исторического взаимодействия русских и коми-пермяков, крайне сложно: культурно-языковые связи двух основных народов Прикамья отличает длительность и глубина взаимодействия. В попытке выявить русские пословичные заимствования в коми-пермяцком фольклоре мы будем исходить из того, что определенным признаком той или иной пословицы как исконно национальной считается отсутствие параллелей к ней в других языках; использование в ней исключительно исконной лексики; наличие в ее составе слов, называющих типичные для этноса культурно-исторические реалии; отражение специфических условий жизни и труда народа; использование образных соотнесений, не типичных для русского языка.

Безусловно, исконно коми-пермяцкой следует считать пословицу о том, что в одном доме не может быть двух хозяев *Өтік тыас кык культяян озö олоö* (букв. 'В одном озере двое водяных не живут'), русский аналог к которой – выражение *Два медведя в одной берлоге не уживутся*. Выражение мотивировано не только устойчивой верой коми-пермяков в сверхъестественные существа, но и их представлением об открытости границ между миром социальным и миром мифическим. Коми пословица о нелегком труде охотника-промысловика *Урыд лазъяд ачыс оз пыр* (букв. 'Белка сама в лузан не полезет') содержит слово *луз*, которым коми охотники называют промысловую накидку с отверстием для головы, используемую не

только для защиты от дождя и ветра, но и для переноски добытой дичи и охотничьих принадлежностей (иной способ передать мысль о тяжелом труде охотника – русское *Белку ловить – ножки отбить*, где акцент делается на физическом состоянии промысловика). Связанные с темами собирательства, охоты и рыбалки образы часто указывают на исконность пословиц, хотя и здесь немало близких по оформлению выражений: *Бӧжтӧ кӧтӧтан — дак и черисӧ сӕян* ('Хвост помочишь, так и рыбку съешь', ср. русск. *Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть; Без труда не выловишь и рыбку из пруда*). Коми-пермяцкие варианты в обоих случаях отличаются конкретностью, наглядно-зримыми, натуралистичными образами.

При освоении тех или иных форм чужого языка действует принцип избирательности: заимствуются прежде всего приемлемые для данной культуры формы. Особенно часто русские пословицы встречаются в таких тематических группах, как суждения о судьбе, счастье, горе, труде, представления о семье, понимание человеком своего места в мире. Наличие абстрактных мировоззренческих понятий, отражение диалектики познания мира и, соответственно, низкая степень конкретизации, отсутствие предметной образности также можно считать признаком заимствований: *Кытшиӧм хозяйин, сӕтшиӧм и хозяйство* (букв. 'Каков хозяин, таково и хозяйство'; ср. русское *Какой хозяин, такой и дом*); *Кык смертьӧ не вӧвны а ӧтӧкисис нем повны* (ср. русск. *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*); *Йӧз горело эн радуйтчы* (русск. *Чужому горю не радуйся*); *Кытшиӧм ай-мам, сӕтшиӧм и челядь* (русск. *Каковы родители, таковы и дети*), *Бур аймамлӧн и челядьысӧсь* (русск. *У хороших родителей и дети хорошие*). На заимствованный характер здесь указывают также компоненты-русизмы (*хозяин, смерть, челядь*).

Выражение *Работа не волк, в лес не убежит* исторически выражала крестьянское понимание труда: работы всегда много, она никогда не кончится. По сути, пословица отражает народное отношение к работе: в любом деле нужно экономно расходовать свои силы. Правда, в наше время выражение подверглось переосмыслению и используется исключительно как шутовское оправдание теми, кто не хочет работать. Коми-пермяцкое соответствие *Работа не кӧч – вӧрӧ оз пышишы* (букв. 'Работа не заяц – в лес не убежит') делает акцент на несколько иной идее: работу хочешь не хочешь, а все равно придется делать. В коми-пермяцкой пословице используется образ другого лесного животного (заяц фигурирует и в сходных пословицах других языков – в немецком аналоге *Die Arbeit ist kein Hase, läuft nicht in den Wald*, в белорусской и польской паремиях *Работа не заяц – не ўцячэ*,

Robota nie zajęc, nie ucieknie). Все эти выражения, как и русский вариант, противопоставляют свободу лесного зверя и вынужденную необходимость человека трудиться в поте лица (ср.: русскую поговорку *Работа не птица – не улетит*, где зависть к парящей в небе свободной птице выражена еще более наглядно). При внешнем подобии поговорки различаются образным решением и смысловыми нюансами. Если русское отрицательное сравнение с волком, подчеркивая естественность и ценность отдыха, одновременно содержит осмысление отказа от работы как опасное поведение, то коми-пермяцкое выражение *Работа не коч – вөрö оз пышышы* указывает на природную естественность такого отношения к работе, ср. коми-пермяцкое *Работа не лягуша – ваö оз чеччöвт* (букв. 'Работа не лягушка – в воду не прыгнет').

Поскольку поговорки-заимствования используются для заполнения лакун, связанных с выражением определенного круга мировоззренческих понятий и ценностных ориентаций, морально-этических норм поведения человека, косвенным показателем прихода их из русского языка является отнесенность к христианской сфере. Коми-пермяцкая поговорка *Берегитчисьсö и еныс берегитö* о том, что осмотрительному, осторожному в своих решениях и поступках человеку легче избежать опасностей, точно соотносится с русской *Береженого и бог бережет* и является заимствованием. На это указывают заимствованные компоненты *берегитчины* 'оберегаться' и *берегитны* 'беречь'. Отметим также, что выражение содержит тонкий религиозный смысл: живущий бездумно, не задумывающийся о жизни (и не ищущий Бога) человек фактически ее не ценит; Бог оберегает прежде всего того, кто понимает, что жизнь есть дар. Лежащее в подтексте выражения христианское истолкование жизни и любви к ней как к величайшему Божьему дару – свидетельство того, что поговорка воспринята от русских, перенесших в культуру коми-пермяков христианские истины. Также, скорее всего, заимствованным и калькированным следует признать выражение *Ен увтын ветлöтам* (букв. 'под Богом ходим'), которое говорится, когда человек признает, что с каждым всё может произойти, случиться, что иногда надо смириться с обстоятельствами. В поговорке отражена мысль о том, что управление жизнью и человеческой судьбой отдано в руки единого Бога. Традиционно же веру коми-пермяков исследователи определяют как политеизм с элементами язычества. В.Н. Конаков, в частности, указывает на то, что над христианскими представлениями у коми-пермяков доминирует культ предков, вера в сохранение контакта между миром живых и миром мертвых (Конаков и др., 1999: 59).

Еще одна типичная для русских заимствований тематика – пословицы, фиксирующие опыт возделывания хлеба и пришедшие в культуру коми-пермяков с восприятием ими более совершенных русских технологий земледелия: *Кӧдз кӧть пӧймӧ, да пораӧ* (русское соответствие – *Сей хоть в золу, но в пору*); *Мый кӧдзан, сийо и вундан* (русс. *Что посеешь, то и пожнешь*); *Тулъснас узян, арнас шогӧ усян* (букв. ‘Весной проспишь, осенью заболеешь’, ср. русское соответствие *Кто весной потрудится, тот осенью повеселится*).

Пословицы могут быть оформлены по русским структурным схемам. Полное структурное соответствие русской и коми-пермяцкой пословиц демонстрирует выражение *Вӧв нӧль кока, да и то джӧмдалӧ* о том, что ошибаться может каждый (ср. русск. *Конь о четырех ногах, (да) и тот спотыкается*). Основной структурный компонент высказывания – заимствованный русский союз *да и то*, который, как и в русском языке, используется для уступительного противопоставления в качестве средства присоединения части предложения. Конструктивную роль имеет и союз *так и (дак и)* со значением следствия в выражениях типа *Ачыт бур, дак и отирыс бурӧсь* (русс. *Сам хорош, так и люди хороши*); союз *да*, оформляющий в коми-пермяцком, как и в русском языке, разделительные отношения: *Гыр д ыт матын, да он курччӧвт* (*Близок локоть, да не укусишь*; говорится о чем-либо с виду доступном или легко осуществимом, но на самом деле недостижимом).

Большое количество пословиц-заимствований содержит частично модифицированные образы. Это могут быть минимальные изменения, как, к примеру, в выражении о семейных связях (если кому-то в семье плохо, то плохо и остальным членам семьи): *Кытшиом чунь он курччӧвт, сӧ доимо* (букв. ‘Какой палец ни ушибешь, всё равно больно’). В русском соответствии *Какой палец ни укусишь, всё равно больно* также использовано соотнесение пальцев руки с членами семьи, однако вместо идеи физической боли от удара введен менее прозрачный образ кусания пальцев. Частичные различия видны в парах соответствий *Аслат кучикыт сӧ ни донажык* (букв. ‘Своя кожа дороже’) и *Своя рубашка ближе к телу*; *Кывнат пессо он поткӧт* (букв. ‘Языком дров не наколешь’) и *Языком делу не поможешь*. Русский призыв не торопить события (известный ряду европейских языков) *Шкуру неубитого медведя не делят* представлен образом коллективной охоты, а в коми-пермяцком языке связан с личным опытом промысловика: *Непойманную лису не свежуют; Сперва белку добудь, а потом и свежуй*. Выражения также могут быть существенно преобразованы. Так, пословица *Гожумнас коктӧ кыскалан, тӧвнас*

кынӧмтӧ кыскас (букв. ‘Летом не поработаешь, зимой не полопаешь’) в русском варианте имеет расширительный, обобщающий смысл: *Не потопоешь – не полопаешь; Как потопоешь, так и полопаешь*. Выражение *Кытшӧм бадь, сэтшӧм и ӧтростель* (‘Какова ива, таковы и отростки’) соответствует русскому *Какое дерево, такие и отростки (отростели)* и содержит не обобщенный образ дерева, а образ конкретного растения, наделенного в культуре коми-пермяков особыми коннотациями. Здесь значима, вероятно, и известная многим мифологиям отнесенность ивы (как и вербы) к образам мирового (соответственно и родового) дерева (Топоров 2010, 448), и негативное представление о иве как «нечистом» растении («Если ива вырастет на могилке, ее обязательно вырубают» – Б. Коча, Кочёвский район). Эта символика ивы как растения, связанного с основаниями жизни, видна и в пословице *Бадь вылӧ кӧз оз быдмы* (букв. ‘На иве елка не растет’) о том, что в детях проявляются черты родителей. Близкое русское выражение *Яблоко от яблони недалеко падает* выстроено в духе европейской культурной традиции, где использована отсылка к не растущему у коми-пермяков плоду – известному символу брачного союза, плодородия, здоровья и красоты детей (ср. также близкие по смыслу русские выражения *На сосне яблоки не растут; Не расти яблочку на елке*).

Нередко ключевой для текста пословицы образ получает новое ассоциативное развертывание. Выражение *Быд вороталон эм аслас дзир* (букв. ‘У каждых ворот своя петля’ в значении «каждый делает что-л. по-своему») основано на образе ворот, которые в русских пословицах обычно ассоциируются с защитой дома и выступают как показатель степени семейного достатка (*Пришла беда – отворяй ворота; По дому и ворота*). В коми-пермяцкой пословице разворачивается особый, собственно технический аспект устройства ворот. Упомянутая в ней петля (*дзир*) используется для крепления створки ворот, при этом правильно подобранные и установленные петли имеют особое значение, поскольку от этого зависит открывание ворот без рывков и скрипа. Выражение *Ачыт панін, ачыт и кый* (букв. ‘Сама сновала, сама и тки’, аналог русской пословицы *Сама кашу заварила, сама и расхлебывай*) содержит образ основы для тканья и указывает на ответственность человека, начавшего дело. Русское выражение *Не припаса основы, ткаць не садятя* делает акцент на предусмотрительности хозяйки.

Поскольку ни одна культура не развивается изолированно от других, паремии легко заимствуются, сохраняя сходное содержание, одни и те же типовые ситуации и образы. Часто при этом

использованные в пословицах образы, с помощью которых передается содержание, не просто калькируются, а подвергаются коррекции, преобразуются в рамках возможных ассоциативных развертываний. В результате воспринятые из другой культурной традиции выражения могут сохранять в себе национальное начало, не противоречить ему. В целом же вычленение заимствованных паремий чрезвычайно затруднено и требует учета целого набора признаков – как лингвистических, так и общекультурных.

Литература

- Ганеев, Булат Талгатович. 2012. Специфичность vs универсальность в паремиологии. В: Вестник Башкирского университета. Т.17. №1. 467-470.
- Конаков, Николай Дмитриевич и др. 1999. *Мифология Коми* / В.В. Напольских, науч. ред. Москва; Сыктывкар: Изд-во ДИК.
- Телия, Вероника Николаевна. 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры.
- Топоров, Владимир Николаевич. 2010. *Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы*. Т.2. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Яшин, Павел Николаевич. 2009. *Национально-культурная специфика образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан*: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Москва.